

— ТУҒАН ӨЛКЕ —
РОДНОЙ КРАЙ

ТАРИХ ӨЛКЕТАНУ МҮРАҒАТ
№ 1 (12) 2009

— ТУҒАН ӨЛКЕ —

РОДНОЙ КРАЙ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ И АРХИВНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2003 года

№ 1 (12) 2009 жыл

Выходит 3-4 раза в год

ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ ЖӘНЕ МҰРАҒАТ ЖУРНАЛЫ

2003 жылдың қаңтарынан
шыға бастады

Жылына 3-4 рет шығады

БАС РЕДАКТОРЫ

БОРАНБАЕВА С.И. — Алматы
облысының мұрағаттар және
құжаттама басқармасының
бастығы

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

АҚЫШЕВ Ә.К. — т.ғ.к.,
Қазақстан Республикасы Орталық
мемлекеттік мұражайы
археологиялық орталығының аға
ғылыми қызметкері

БАЙПАҚОВ К.М. — т.ғ.д., профессор,
Қазақстан Республикасы Білім және
ғылым министрлігі Ә. Марғұлан
атындағы Археология институтының
директоры

ГРИБАНОВА Е.М. — т.ғ.к., Қазақстан
Республикасы Президенті
мұрағатының жариялау және ғылыми
пайдалану бөлімінің меңгерушісі;

ЖОЛДАСБАЕВ С. — т.ғ.д., профессор,
Қожа Ахмет Йассауи атындағы Қазак-
Түрік университеті кафедрасының
меңгерушісі;

МАКАЛКИН В.И. — экономика
ғылымының кандидаты,
“Республиканский союз
промышленников вторичной
металлургии” ассоциациясы
төрағасының орынбасары

МУҚАНОВА А.А. — Алматы
облысының мемлекеттік мұрағаты
редакциялық-баспа бөлімінің
бастығы, орыс тіліндегі
мақалалардың редакторы

Мақалалар және хабарлар Статьи и сообщения

<i>А.К. Акишев.</i> Кеген-Чарын-Каркара	3
<i>Урашев А.</i> Из истории семиреченской области (1867-1914 гг).	22
<i>Джуанышбеков Н.О.</i> Контакты мифологий и фольклора прототюрков и протословян	33
<i>Бурыбаева А.</i> Шежіреші Шәкәрім	40
<i>Ысқақ А.С.</i> Қазақстанда іс жүргізудің патшалы Ресей кезеңінде даму ерекшеліктері	43
<i>Сүлейменова Ә.</i> Уақыт және тұлға	52
<i>Әбіласан Ә.</i> Кенесарының Жетісуға келуі	58
<i>Айсаров Р.</i> Память	73
<i>Сатыбалдиева М.</i> Ертедегі көшпелілер мәдениеті Қазақстан республикасы мемлекеттік орталық мұражайының археологиялық коллекциясы	77

Сирек кездесетін кітаптар қоры: таңдаулы мәтіндерді жариялау Фонд редких книг: публикация избранных текстов

<i>Венсан Фурнио.</i> Люди и земли ислама. Материалы сборника, посвященного Ксавье де Планолю Предисловие перевод и комментарии Джандосовой З.	89
---	----

Құжаттарды жариялау Публикация документов

<i>Сейсенбаева А.Ә.</i> Күпия жиналыс құрбандары	101
--	-----

Қазақстан әлем әдебиетінде Казахстан в мировой литературе

<i>Боранбаева З.</i> Чингиз Айтматов: “У меня две национальные святыни: это “Манас” и книга М. Ауэзова “Путь Абая”	104
---	-----

Шығармашылық келбет Творческие портреты

<i>Беккулова С.</i> Аристократ духа, или Три встречи с А.К. Жубановым	115
--	-----

СЕМИРЕЧЬЕ И ТРАНСОКСИАНА: ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ИСТОРИИ ТЮРКИЗАЦИИ И СЕДЕНТАРИЗАЦИИ РАВНИННЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(Fourniau, Vincent. La Semiretchie et la Transoxiane: leurs liens dans l'histoire des turcisations et des sédentarisation en basse Asie Centrale // Hommes et terres d'Islam. Mélanges offerts à Xavier de Planhol et réunis par Daniel Balland. Tome II. Institut Français de recherche en Iran.

Bibliothèque iranienne 53. Paris, 2006)

Предлагаемая вниманию читателей статья французского исследователя Венсана Фурнио посвящена особой роли Жетысу (Семиречья) в многовековом процессе адаптации тюркоязычных кочевников Центральной Азии к новой для них физико-географической реальности Средней Азии, не одну тысячу лет знакомой с орошаемым земледелием и оседлостью. Как известно, вплоть до самого недавнего, по историческим меркам, времени, и орошаемое земледелие, и оседлость на этой территории были, главнейшим образом, связаны с ираноязычным населением Согда и Бактрии, а затем, после арабского завоевания и сложной этно-лингвистической трансформации восточно-иранского населения, с таджиками Мавераннахра. Автор статьи показывает, что усиленная тюркизация значительной части ираноязычного населения оазисов и предгорий Средней Азии оказалась возможной во многом благодаря тому, что тюрки-завоеватели Средней Азии (а именно, "кочевые узбеки"), не имея возможности пользоваться пастбищами Семиречья, где правили казахские ханы, сумели сохранить во всей полноте традиционный хозяйственный цикл и кочевую идентичность, присущую их предшественникам. Таким образом, он подчеркивает значение Семиречья для сохранения кочевой идентичности тюрками-завоевателями Средней Азии на протяжении многих столетий.

Ориентируясь на культурно-экологический подход к объяснению этно-исторических процессов, автор говорит о том, что транзитная и адаптационная роль Семиречья для монгольских и тюркских кочевников предыдущих эпох была связана с известным физико-географическим (экологическим, в терминологии Фурнио) сходством Семиречья с теми областями Внутренней (по Фурнио, Высокой) Азии, откуда брали начало миграционные волны. Другими словами, Семиречье было последним рубежом, так сказать, естественной кочевой среды, за которым начиналась совершенно иная, преимущественно оседло-земледельческая, среда. С другой стороны, автор статьи настаивает на принципиальной отличии природной среды Семиречья не только от равнинных и предгорных районов Средней Азии, но и от Центрального Казахстана, что выделяет Жетысу в особую физико-географическую, а не только историко-географическую область.

Другой вывод Фурнио: тюркизация Средней Азии (и превращение ее в Туркестан) связана с массовым переходом на оседлость самих узбеков и, следовательно, не была лишь тотальной ассимиляцией ираноязычных автохтонов (что делает неверным бытующее расхожее представление о том, что современные оседлые узбеки — это исключительно отторченные иранцы). Разумеется, довольно трудно определить в настоящий момент, какую именно долю в составе узбекского этноса составляют потомки осевших на землю кочевников, а какую — вынужденно или добровольно заговорившие по-тюркски таджики. К тому же, исследование этой проблемы осложнено политическими соображениями. Тем не менее, как это достаточно убедительно показано в статье, в новых исторических условиях, сложившихся в Мавераннахре к концу XV в., именно утрата Семиречья, наряду с недоступностью пастбищ Хорасана, вынудила кочевников перейти на более производительное в этой географической среде орошаемое земледелие, давно и успешно практиковавшееся местным ираноязычным населением. Добавим от себя, что седентаризация и освоение техники земледелия кочевым населением Мавераннахра происходили постепенно, через длительные этапы полукошевого и полуседелого существования и сосуществования с оседлым ираноязычным населением, что разительно отличает седентаризацию узбеков от случившейся в двадцатом столетии радикальной и имевшей тяжелые последствия "шоковой" седентаризации казахов.

Читателю непросто будет разобраться с предлагаемой автором макротопонимической терминологией. Так, употребляемое на всем пространстве статьи и в ее заглавии понятие Трансоксиана, которое распространено во франкоязычной и отчасти англоязычной литературе, представляется уже несколько устаревшим и в русскоязычной литературе (в формах Трансоксиана и Трансоксиния) малоупотребительным. В российском (а вслед за ним и в казахстанском) востоковедении больше популярен арабский по происхождению топоним Мавераннахр (Мавераннахр, т.е. "то, что за рекой", "Заречье"), латинской калькой которого фактически и является слово Трансоксиана (буквально: "[область] за Оксом"; при этом Окс — это река Амударья). Хотя в средние века понятие Мавераннахр (Трансоксиана) стало включать в себя все территории между Амударьей и Сырдарьей (в их среднем течении), оно все же не распространялось на области Чача (Ташкента) и Фергану, возможно, за исключением ее западной части (Худжанд). В то же время оседание узбеков происходило не только в среднеазиатском Междуречье, но и в двух вышеназванных областях, а также в Бактриане (Балхской области, то есть, на левобережье Аму) и в Хорезме. Впрочем, из содержания статьи следует, что понятие Трансоксиана употребляется автором весьма и весьма расширительно.

Также не всегда легко понять, что подразумевает автор под термином Высокая Азия. В русскоязычной географической литературе Высокой Азией обычно называют высокогорный пояс, охватывающий, в частности, Тянь-Шань, Памир, Гиндукуш, Куньлунь, Каракорум, Гималаи, Тибетское нагорье. В то же время в понимании В. Фурнио, Высокая Азия — это не высокогорные, а глубинные районы Центральной Азии (Монголия, Гоби и т.д.), что совпадает с известным определением Л.Н. Гумилева и с узким значением термина Центральная Азия (= собственно Центральная Азия, или Внутренняя Азия). В самом первом абзаце статьи понятия Высокой Азии, Центральной Азии и Внутренней Азии фактически не разделены (так, Высокая Азия названа "обширным районом передвижения и переселения народов, где образовывались империи", а Внутренняя и Центральная Азия (между которыми фактически проведен знак равенства) названы "огромной территориальной общностью", к тому же объединенной общей историей. Но ведь империи образовывались главным образом тогда, когда кочевники внутренних районов Азии устремлялись (мигрировали) на запад, юго-запад, юг и юго-восток и так или иначе подчиняли своему влиянию оседлые территории.

Вводимое же автором понятие Западная Центральная Азия тоже расплывчато. Вначале оно вводится с пояснением, что термин касается территории, примерно совпадающей с территорией пяти среднеазиатских республик СССР, однако дальше следует пояснение: территория "от Иртыша до Хорасана", которое все же подразумевает некую территорию, вытянутую с северо-востока на юго-запад, то есть, минуя Центральный и Западный Казахстан (а также Хорезм? Туркмению?) и как бы не включая эти территории, однако затем автор утверждает, что Центральный Казахстан, Хорезм и Южная Бактриана (находящаяся все же за пределами бывшего СССР), этим понятием все же охватываются.

Увязывая процесс массового оседания тюрков-кочевников в Мавераннахре (Трансоксиане) лишь с утратой Семиречья, автор не вполне четко прослеживает тот очевидный факт, что социокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в этой области, как и процесс оседания кочевников, происходили на протяжении всех трех тысячелетий оседло-кочевого диалога. Будучи транзитно-адаптационной зоной для кочевников, Семиречье было, как известно, и торгово-транспортным коридором и одновременно местом колонизации для оседлых народов.

При всем при этом, повторим, основная мысль автора — транзитный характер Семиречья для миграционных потоков, следовавших в направлении северо-восток — юго-запад (Иртыш — Мавераннахр — Хорасан), представляется весьма обоснованной. Особое положение области, расположенной между Джунгарией и Мавераннахром, подчеркивается и ее экологическим отличием и от "степей Центрального Казахстана". Семиречье предоставило кочевникам возможность вертикального кочевания, отдав в их распоряжение великолепные горные пастбища. Это несколько трансформировало кочевой хозяйственный тип, в частности, усилив роль зимников и создав предпосылки создания постоянных зимних жилищ и развития земледелия в зимних поселениях, но не принудило кочевников к полному отказу от кочевания. Неудивительно поэтому, что еще в монгольское время Семиречье и области Центрального Казахстана попали в разные государственные образования (улусы). Природные условия Семиречья, оказавшись пригодными для сохранения кочевого и полукочевого образа жизни, конечно, отличались от условий собственно Средней Азии, Мавераннахра.

Однако, если смотреть на этот район не со стороны Высокой Азии (Монголии и Джунгарии), а со стороны Трансоксианы, то Семиречье, безусловно, является степной, кочевой периферией Туркестана. С геополитической же точки зрения Семиречье долгое время было барьерной, плохо маркированной и неструктурированной территорией, для которой характерны неустойчивость и текучесть геополитической среды, непостоянство ландшафта и разреженность среды обитания. Но характерно, однако, что когда после поражения Кокандского ханства эта область попала в жернова геополитической трансформации и структурирования по европейскому образцу, территория Семиречья была включена в состав Туркестанского края (=Трансоксианы), а не Степного края.

Благодаря своему расположению в самом сердце евроазиатского материка, *Высокая Азия* (*la haute-Asie*) в течение долгого времени являлась обширным регионом передвижения и переселения народов, где образовывались империи, объединявшие в своем составе многие географические области и этнические общности. Поэтому скорее богатая история, нежели географические факторы затрудняют точное определение границ огромной территориальной общности, известной как *Внутренняя Азия* (*l'Asie interieure*) или *Центральная Азия* (*l'Asie centrale*).

С самого начала исторической эпохи *Высокая Азия* была территорией, великолепно подходящей для кочевого скотоводства. И в то же время она включает в себя земледельческие оазисы, как правило, цепочкой окаймляющие предгорья. Часть этих оазисов находится в Трансоксиане, представляющей собой область развитого оседлого земледелия и плотной урбанизации. Вся история этого региона развивалась в тесной зависимости от степных империй, которые неоднократно поглощали его и превращали в арену важнейших миграций народов, большая часть которых относилась к кочевникам.

В этнолингвистическом плане, взаимодействие между обитателями различных экологических (физико-географических) областей *Высокой Азии* породило процесс тюркизации, последовательно развивавшийся от Монголии до Среднего Востока. Это взаимодействие служило также образованию

отдельных исторических областей, стабильность которых зависела от ряда внутренних и внешних факторов. Территория, простирающаяся от Хорасана (северо-восток Ирана) до верхнего течения Иртыша и Ишима (восток Казахстана) представляет собой один из замечательных примеров такой исторической области, сформировавшейся в послемонгольское время. Данное исследование касается именно этой историко-географической области, примерно совпадающей с территорией пяти бывших советских республик Средней Азии, к которой здесь и применяется термин *Западная Центральная Азия*¹.

Следует отметить, что никакая другая часть Евразии не представляет собой такого разнообразия как с точки зрения природной среды на пространстве между Хорасаном и Иртышом, так и с точки зрения исторических процессов, особенно тех из них, что касаются взаимодействия между кочевой степью и оседлыми земледельческими оазисами².

Это тот самый контраст, который создает проблему разнообразия ситуаций, описываемых такими общими терминами, как "степь", "оазис" и "тюркизация", и представляющих историческое развитие в конкретных процессах, например, таких, как седентаризация или этнополитическая эволюция в Трансоксиане средних веков и нового времени. Другими словами, для того, чтобы оперировать с частью того разнообразия и того единства, которое описывается термином *Высокая Азия*, и

¹ Речь идет о следующих республиках: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

² Действительно, *Западная Центральная Азия*, представляющая собой подобие круга, южная полуокружность которого проходит по Каспийскому морю, Гиндукушу, Памиру и Тянь-Шаню, отличается огромным разнообразием природной среды. По мере того как в направлении с севера на юг лесостепь сменяется степью, а та — пустыней, растительный покров, из-за все возрастающей аридности, становится все более и более скудным. Вся восточная, высокогорная часть региона, за исключением зоны Восточного Памира, отличается от его низменной части гораздо большей влажностью, что до сих пор мало использовалось. Как экономическая зона и область обитания человека, этот высокогорный район образует собой некий полюс, который не обладает ни земельными ресурсами, ни теплом, обеспечивающими земледелие в более засушливых равнинных районах, однако, снабжает последние водой рек, текущих с гор в направлении Арало-Каспийской низменности, особенно паводковых в периоды снежно-ледниковых паводков, продолжающихся с конца весны в течение всего лета.

добиваться успехов в его постижении, необходимо, помимо всего прочего, развивать изучение региональной истории, связанной с этой огромной территорией Азии.

В рамках этой статьи речь пойдет о той роли, какую сыграло в истории Центральной Азии Семиречье — четко определяемая историческая область, расположенная на юго-востоке Казахстана и северо-востоке Кыргызстана, между озерами Балхаш и Иссык-Куль.

Трудам многих археологов, культурных антропологов и географов, и, в частности, сочинениям Ксавье де Планаля (Xavier de Planhol), в которых рассматриваются способы освоения кочевниками-скотоводами аридной среды и связанные с этим социальные механизмы, мы обязаны тем, что географический, экологический и экономический базис стран аридной зоны открыл нам свою значимость для истории. Эти работы внесли огромный вклад в историю этнополитических экспансий и, в частности, экспансий тюркских народов, важнейших участников политической и этнической истории Евразии, которые, прежде всего, были кочевниками-скотоводами, завоевавшими территории, географическая среда которых резко отличалась от среды их первоначального обитания. Весьма удивительно, что до сих пор их история не трактовалась с точки зрения роли "среды и обстоятельств" (Planhol, 1979:39), лежащих в основе конкретной геополитики. Вместо этого, изучение истории тюркоязычных народов делало акцент на общность, связывавшую их в лингвистическом плане, то есть, на тот аспект их истории, который способен поддержать идею более общей преемственности³.

Более того, использование понятия "степь" в историческом словаре могло бы подкрепить идею преемственности и в плане географии, и в культурно-политической активности кочевников на очень большом пространстве, охватывающем различные экологические области. Однако ничего сделано не было.

³ Известно множество тюркоязычных народов, действовавших в весьма продолжительный период с начала нашей эры (прототюрки в составе гуннской армии) до XVI в. (узбеки, участвовавшие в Шайбанидском завоевании Трансоксианы)

⁴ Существенная часть зоны обитания и действия степных кочевников-тюрков в течение XVI — XIX вв. была завоевана Россией. Приходится констатировать, что на Западе знание истории тех областей Азии, что были присоединены к России и попали в сферу влияния русского языка как языка управления и науки, остается на более низком уровне по сравнению с общим уровнем знания, достигнутым в изучении других полюсов азиатской истории.

⁵ Хотя экспансия прототюрков в западном направлении началась на несколько веков раньше появления Тюркского каганата (VI в.), она все это время проходила в пределах той зоны Евразии, где количество осадков превышает 300мм в год и выпадение осадков происходит преимущественно весной. Однако эти миграции происходили не только в восточно-западном или в западно-восточном направлении, причем, с большей или меньшей амплитудой, но и вдоль осей с севера на юг или с северо-востока на юго-запад, и эти миграции особенно интересны для нас как миграции, приведшие к постепенной тюркизации Трансоксианы.

Обобщенное Рене Груссе (René Grousset), понятие степи как действующего лица в истории Евразии (в политической форме "степная империя") пока представляется незаменимым. Но по мере исследования *Высокой Азии*, парадоксы и особенности отдельных региональных историй не только выявляются и уточняются, но и заставляют пересмотреть некоторые, казалось бы, неопровержимые аксиомы⁴.

В действительности, для историка понятие "степь" гораздо в большей степени связано с ее то и дело возрастающим политическим весом в истории Евразии, нежели с постоянной преемственностью растительных форм, климата, природных условий и, в целом, всех тех ресурсов, которые степь предлагает своим обитателям. Более того, в евроазиатской степи эта относительная общность природных условий проявляется только в широтном направлении⁵.

Для людских потоков, двигавшихся со стороны Монголии или Алтая в направлении Трансоксианы, Семиречье сыграло роль транзитной зоны между различными экологическими средами. А когда Трансоксиана и Семиречье входили в состав одних и тех же государств, Семиречье становилось также областью сосредоточения кочевой идентичности (включая мусульманскую кочевую идентичность), противопоставленной оседло-земледельческой идентичности Трансоксианы. И, наконец, в 1460-х годах Семиречье оказалось тыловой базой движения, которое привело к образованию Казахского ханства, после чего Трансоксиана и Семиречье никогда более не попадали под власть одного и того же государства. Таким образом, в конце XV в. произошел своего рода распад *Западной Центральной Азии* на этнополитические зоны (казахскую, узбекскую и Могулистан), пограничной зоной между которыми стало Семиречье. С этого времени в отношениях между этими различными областями появляется абсолютно новое обстоятельство: большинство их правителей, тюрков чингизидского происхождения, начали

стремиться к усилению геополитического разделения обширного региона, включающего Великую Степь, лежащую к северу от Сырдарьи, пересеченные широкими полосами степей или пустынь орошаемые оазисы Трансоксианы, и, наконец, степи и оазисы, расположенные к востоку от Семиречья и Тянь-Шаня.

Казахское ханство (или казахские ханства) являлось политическим выражением союза кочевых племен, обитавших в степях к северу от Трансоксианы, узбекское ханство (или узбекские ханства) — политическим выражением сначала городов, а затем, по мере роста узбекизации, — всего оседло-земледельческого населения Трансоксианы, а ханства Могулистана — политическим выражением кочевников и оседло-земледельческого населения восточной части Семиречья, Джунгарии и бассейна Тарима.

Необходимо заметить, что даже в середине XV в., когда тюркская экспансия на Среднем Востоке уже подготовила почву для современного расселения тюркских народов в Анатолии и на севере Персии, Семиречье продолжало играть роль регулятора сил, от которых зависела этнополитическая эволюция всей *Западной Центральной Азии*, потому что именно там находились ставки тюркизированных и исламизированных ханов, принадлежавших к разным ветвям Чингизидов.

Таким образом, особое значение Семиречья в истории Трансоксианы в средние века и новое время может послужить прояснению структуры *Западной Центральной Азии* — обширной области, простирающейся от Хорасана до Казахстана и объединенной историей в один весьма контрастный ансамбль.

ЗАПАДНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

В *Западной Центральной Азии* никогда не было ни одного политического образования, которое объединяло бы весь этот регион от Иртыша до Хорасана. Самая последняя попытка в этом направлении относится к временам правления Тамерлана (правил в 1370 — 1405 гг.). С другой стороны, многочисленные империи захватывали либо какую-то часть Центральной Азии, либо всю ее целиком. Положение этой зоны приводило к ее поглощению большинством крупнейших политико-культурных систем Евразии и, как следствие, к воздействию на нее

ряда внешних факторов, таких как буддизм, ислам, миграции тюркоязычных народов и т.п., с которыми не всегда совпадали векторы экспансии в Евразии. Но в отсутствие единого государства, которое заключило бы *Западную Центральную Азию* в четкие политические границы, эти внешние факторы, зачастую взаимодействуя с локальными факторами, помогали выделению исторических суб-общностей (или суб-единиц), особенно в послемонгольский период. Долговременная эволюция этих суб-единиц и влияние на Центральную Азию внешних факторов усиливали или, по крайней мере, продлевали роль проявившихся различий. Следствием этого является то, что под термином *Западная Центральная Азия* стала подразумеваться широкая совокупность суб-единиц, за которыми скрывается большое разнообразие исторических и географических областей: центральная часть современного Казахстана, Семиречье, высокогорные районы Тянь-Шаня и Памира, Трансоксиана и Южная Бактриана, Хорезм.

В целом, можно сказать, что исторические процессы, происходившие на большей части современного Казахстана, отличались от исторических процессов, происходивших на территории Трансоксианы. Однако Семиречье, как и южные области современного Казахстана, с конца эпохи Караханидов и вплоть до эпохи Тимуридов находились под властью городов Трансоксианы⁶.

Впоследствии Семиречье было включено в состав Казахского ханства и с тех пор никогда не оказывалось с оазисами Трансоксианы в рамках единого государства (за исключением краткого пребывания под властью царской России). В отношении понятия "степь" историческое поле *Западной Центральной Азии* занимает поэтому совершенно уникальное место. Оно выходит за рамки относительной связи, изначально заложенной в выражении "евразийская степь", поскольку представляет собой явно исторический продукт.

Большая разница между Трансоксианой и многими областями Ближнего Востока проявляется, в частности, в том, что кочевники Центральной Азии, проникая в оседлые районы, избегали зон неорошаемого (богарного) земледелия. Эта фундаментальная разница затрудняет проведение в Центральной Азии границы между экологической зоной номадизма и экологической зоной земледелия, совпадающей с зоной оседлости. Она не

⁶ То есть, с конца X до XV в. они служили зонами столкновения политических сил Великой Степи, Синьцзяна и Трансоксианы.

позволяет провести четкую экологическую границу, прорыв которой кочевниками стал бы немедленно ощутимым.

Более того, в наши дни независимость пяти республик бывшей советской Средней Азии привлекает к этому региону внимание всего мира; такого не было, вероятно, со времен англо-русской напряженности, последовавшей за вступлением царских войск в Мервский оазис в 1884 году.

СЕМИРЕЧЬЕ КАК ЧАСТЬ ВЫСОКОЙ АЗИИ

Русское название "Семиречье" является переводом казахского топонима *Жеті Су* и означает "семь рек". Сегодня не существует административной единицы, которое носила бы это название. Этот регион включается в себя несколько областей⁷ Казахстана (Алматинскую, Талдыкорганскую, юго-восток Жамбылской) и Кыргызстана (Бишкекскую⁸ и Иссык-Кульскую)⁹.

Семиречье простирается от речных бассейнов Чу и Таласа (северо-запад Кыргызстана и юго-восток¹⁰ Казахстана)¹¹ и бассейна озера Иссык-Куль до горной цепи Тарбагатай и бассейна реки Иртыш (восточная часть Казахстана)¹². Оно опирается на хребты Кетмень, Джунгарский Алатау и Тарбагатай, а на западе ограничивается озером Балхаш. Семиречье орошается водами рек, спускающихся с Джунгарского Алатау¹³, называемого также Семиреченским¹⁴ Алатау и входящего в горную систему Тянь-Шаня. В направлении с востока на запад к "семи рекам" Семиречья можно отнести реки Лепсы, Аксу и Каратал, впадающие в юго-восточную часть озера Балхаш. Между ними протекает несколько второстепенных рек, не всегда достигающих

озера (например, Баскан, Биен и Сарканд). И, наконец, главной рекой Семиречья является река Или, которая впадает в Балхаш в его юго-западной части и питается водами других отрогов Тянь-Шаня¹⁵.

Семиречье полностью расположено в зоне пустынь, охватывающей южные районы Казахстана, лежащие к югу от линии, тянущейся от р. Аягуз, на северо-восточной окраине Балхаша, до нижнего течения Эмбы, к северо-востоку от Каспийского моря. Но, благодаря весенним паводкам и обильной растительности, произрастающей на склонах Джунгарского и Заилийского Алатау, а также, в меньшей степени, в горных долинах Чу и Таласа, Семиречье обладает таким разнообразием пастбищных зон, какого нет в Трансоксиане. Однако по мере удаления от гор, по направлению к озеру Балхаш, территория Семиречья все более и более обретает характер пустыни.

На северном склоне Джунгарского Алатау сменяют друг друга три растительных пояса: зона горных степей (между 600 — 800м и 1200 — 1400м), зона лесолуговых степей (от 1200 — 1400м до 2400м) и, наконец, зона альпийских лугов. На южном склоне первый растительный пояс поднимается до 2200м, что, соответственно, приводит к смещению и других поясов (КССР, 1988: II, 174).

Верхние растительные пояса Джунгарского Алатау получают от 200 до 400мм годовых осадков. В то же время предгорья, расположенные в зоне пустынь, получают порядка 80мм, выпадающих в течение 50 — 70 дней в году, в том числе 20 — 30 дней в виде снега; 20 % осадков выпадает весной.

Рельеф местности обеспечивает существенную разницу температур. Так, отрицательные температуры в Джунгарском Алатау не так низки, как на равнине¹⁶. Зимы

⁷ Область — русский административный термин, более или менее совпадающий с французским понятием "департамент" и получивший распространение и в казахском языке.

⁸ Чуйскую — прим. пер.

⁹ В период парской администрации была создана Семиреченская область, просуществовавшая до 1932 г. Современные области были образованы в ее пределах в 1932 — 1967 гг.

¹⁰ В тексте статьи ошибочно — юго-запад (прим. пер.).

¹¹ Историческая и археологическая литература включает бассейны этих рек в состав Семиречья.

¹² У казахов Жетысу назывался регион от правого берега реки Каратал до Алаколя, совпадая с Джунгарским Алатау. Долина реки Или и Чу никогда не входила в регион Жетысу в понимании казахов (примечание).

¹³ Массив Джунгарского Алатау образует полукруг длиной 450км и шириной от 100 до 250км и является одним из наиболее важных горных массивов Казахстана. Достигая высоты 4464м (гора Бесбаскан), Джунгарский Алатау уступает лишь Заилийскому Алатау (пик Талгар, 4973м), расположенному к югу от Алматы. Ширина и высота Джунгарского Алатау, где сосредоточена большая часть ледников Казахстана, делают его колодезем, питающим страну Семи рек.

¹⁴ Точнее, Жетысуйским — прим. пер.

¹⁵ Река Или образуется слиянием (у города Кульджа) Текеса, берущего начало на юго-востоке Казахстана, и Кунгеса, протекающего в Китайском Туркестане. С учетом Текеса, длина Или составляет 1439км, из которых более 800 км проходят по территории Казахстана.

¹⁶ В поселке Сарканд, расположенном у северного склона Джунгарского Алатау на высоте 1000м, средняя температура января составляет — 11,5 С, тогда как в более высокогорных селениях не опускается ниже — 9,2 С; средние температуры июля составляют, соответственно, 23,3 С и 17,3 С.

здесь менее суровы, чем на расположенном гораздо севернее Алтае или, наоборот, южнее, в горах Центральной Киргизии.

Несколько речных долин Семиречья образуют оси циркуляции, определившие политическую историю Центральной Азии. Прежде всего, это долина Или, к югу от Джунгарского Алатау, и долина Иртыша, к северу от хребта Тарбагатай. Общее направление горных цепей Тянь-Шаня, их высота в пределах нынешнего Кыргызстана и их соединение на юге с гигантским горным массивом Памира свидетельствуют о том, что долины Или и Иртыша являются уникальными в том огромном горном амфитеатре, который опоясывает Центральную Азию на юге и востоке¹⁷.

Если рассматривать Семиречье под углом истории миграции тюркских народов *Высокой Азии* и с точки зрения его принадлежности к тем же государственным образованиям, что и Трансоксиана в период между X и XV вв., то оно является самой западной из областей, имеющих общий характер со степями, расположенными между Тянь-Шанем и Орхоном, и в экологическом плане противостоит как Центральному Казахстану, так и Трансоксиане, а последней еще и в плане культурном.

МИГРАЦИИ, НАСЫЩЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЯ

Многочисленные племена и племенные союзы кочевников-скотоводов внедрялись в политическую жизнь Трансоксианы, прибывая из областей с более богатой растительностью и совершенно отличным климатом. Трансоксиана не смогла предоставить этим племенам, прибывавшим, как правило, из Монголии либо с Алтая, схожих с изначальными условий эксплуатации природной среды и образа жизни.

Известно, что долгое время кочевые сообщества направляли избыточное население в мир оседлых народов. Мощь организации

кочевников холодных степей *Высокой Азии* привела их к масштабным завоеваниям. Но остается открытым вопрос о том, почему это происходило и в направлении более засушливых пастбищных территорий, уже занятых другими народами и находящихся на пределе насыщения.

Страна Орхон, на севере Монголии, является зоной горных степей, расположенной на высоте 1500-3000м. Большая часть ее северной половины получает более 200 мм осадков в год, а обширные территории к западу от Орхона и к северу от реки Керулен получают от 300 до 400 мм осадков. В областях к северу от Улан-Батора и на крайнем севере страны, в районе озера Ховсголь Нур, выпадает более 400 мм осадков в год. И только на юге Монголии выпадает менее 100мм осадков, хотя *ГОВЫ* ("сухие зоны") занимают треть юга страны (Legrand, 1976:10 sq.).

Трансоксиана является аридной зоной, где самые низкие этажи (200-600м) заняты растительностью пустынного типа¹⁸. Центральная часть Трансоксианы представляет собой зону оазиса, образующего в некоторых речных бассейнах сплошную полосу земледелия. Число морозных дней, доходящее в Монголии до 200 в год, в Трансоксиане гораздо ниже: с севера на юг оно снижается с 50 до 20 дней.

Район Джунгарии (Синьцзян) получает от 250 до 300мм годовых осадков; западные воздушные течения, благодаря таким просветам в горах, как долина Иртыша и Джунгарские ворота, приносят сюда весенние и летние дожди. К югу от Тянь-Шаня и к востоку от Памира природная среда является пустынной: бассейн Тарима, как и Хорезм, получает менее 100мм осадков в год, но зимы там намного более долгие и более холодные.

Все пространство от Орхона на востоке до Эмбы в западном Казахстане расположено в зоне, где количество осадков составляет более 250мм в год, причем осадки выпадают, в основном, в весеннее время. Но особенно следует отметить, что среда Северной Монголии, а также арки опоясывающих Джунгарию

¹⁷ Это хорошо видно на картах, отображающих границы Киргизии и Таджикистана с Китаем, которые проходят либо по линии водораздела между реками, относящимися к бассейну Аральского и Каспийского морей, и реками Синьцзяна, либо ниже этой линии, по верховьям рек Синьцзяна. В то же время казахстанско-китайская граница в Семиречье пересекает течения Или и Иртыша. Средневековая и новая история выделяющихся совершенно особой природной средой высокогорных районов Центрального Тянь-Шаня и Памира резко отличается от истории окружающих их областей. Хотя их население долгое время зависело от миграций в Центральной Азии, эти перемещения народов не приводили к созданию здесь новых конфедераций, которые, в свою очередь, смогли бы сыграть значительную роль в истории равнинных районов Трансоксианы или на Иранском плато. На высокогорье происходили, однако, собственные, локальные экспансии, например, распространение киргизов на Восточный Памир, в Таджикистан и афганский Вахан.

¹⁸ Шахрисабз (650м) — 545 мм/год; Карши (378 м) — 225мм; Хива (97м) — 79мм; Коканд (405м) — 98мм; Самарканд (720м) — 328мм; Ташкент (480м) — 359мм; Термез (30м) — 133мм.

горных хребтов с поясами лесостепей, лесов и альпийских лугов, расположенных на высоте 2500м, к западу от озера Балхаш уступает место центральному плоскогорью Казахстана, лежащему на высотах, как правило, не превышающих 1000м и обладающему менее разнообразным растительным покровом. На путях миграций тюркских народов Джунгарский Алатау и межгорные долины Чу и Таласа являются крайними западными контрфорсами, на которых, благодаря вертикально расположенным поясам, представлена растительность, сравнимая с растительностью Северной Джунгарии или Северной Монголии.

Из этого следует, что в Монголии и Трансоксиане существуют совершенно разные условия для разведения мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов: это касается густоты и типа растительности, условий доступа к пище как зимой, так и летом, протяженности пастбищных маршрутов, близости оседло-земледельческого населения, доступа к рынкам сбыта продуктов скотоводства и приобретения продуктов земледелия. Как следствие, различаются также условия безопасности скотоводов и порог насыщения пастбищ. Площадь, необходимая для выгона одной овцы в лесостепи, подобной лесостепным поясам Семиречья, в среднем составляет меньше одного гектара — против 6, и даже 10га в пустынных областях Туркменистана (Minc, 1969: 174)¹⁹.

Известно, что большая часть орошаемой территории Центральной Азии находится в экологической зоне кочевого скотоводства и является плодом создания зон земледелия в засушливой (аридной), либо очень засушливой среде. Однако экономически и социально систематизированное орошаемое земледелие распространено и на территориях, где вполне было бы возможным, хотя и менее продуктивным из-за годовых перепадов в количестве осадков, и богарное земледелие. Орошаемое земледелие требует колоссального напряжения и огромного труда, однако эти усилия окупаются относительной регулярностью урожая и высокой продуктивностью.

В Трансоксиане орошаемое земледелие было основой жизни оседлого населения задолго до появления здесь первых тюркских племен. При этом большая часть оседлого населения была сосредоточена отнюдь не в редких зонах богарного земледелия. Какими же могли быть последствия столь характерного типа освоения

данной среды для волн тюркизации — долгого процесса этнополитической эволюции, сделавшего из аридной Трансоксианы, расположенной в преддверии степи, сугубо оседлый и при этом наиболее тюркизированный, наряду с Синьцзяном, регион из всего огромного географического пространства, затронутого тюркизацией в средние века и новое время?

Кочевники *Высокой Азии* обнаружили в оседлой зоне южной части Центральной Азии области, оказавшиеся слишком засушливыми для поддержания их изначального кочевого образа жизни во всей его совокупности. Неспособность новых пастбищных территорий принять и прокормить прибывшее население и соперничать с более высокой продуктивностью орошаемого земледелия привела к важным социальным изменениям у прибывших народов. Для сравнения можно сказать, что многочисленные случаи бедуинизации в средневековом арабском мире отражают прямо противоположную картину, по крайней мере, в тех случаях, когда расширение кочевничества осуществлялось в направлении полос богарного земледелия и приводило к увеличению кочевых маршрутов.

На всем пространстве от Алтая до Ближнего Востока результаты тюркизации были выражением контрастной адаптации: в странах нестабильного богарного земледелия, например, на Анатолийском плоскогорье, происходила бедуинизация (переход к кочевому образу жизни), на влажных прибрежных полосах Турции — седентаризация, а на Иранском плато шло сопротивление тюрков седентаризации и иранской идентичности и параллельно интеграция в иранское общество, в котором по-прежнему преобладали иранцы (Planhol, 1993). Оригинальность Трансоксианы заключается в том, что ни в средние века, ни в новое время здесь не наблюдалось массовой бедуинизации, и тюркизация была явлением скорее кочевой среды, нежели оседлой, и фактом скорее городским, чем сельским, причем происходила либо в аридной, либо в очень аридной среде. История и археология ирригации позволяет установить, что орошаемые долины не были полностью преобразованы в пастбища. Между тем, бедуинизация и пропорциональная доля кочевников среди всего населения — это две разные вещи, которые не стоит путать. Следует спросить, действительно ли происшедшая в средние века и новое время тюркизация

¹⁹ А. Хазанов приводит данные о составе стада, пищевом рационе и других аспектах кочевой экономики в разных типах кочевничества (Khazanov, 1984: главы 1 — 3)

повлекла за собой увеличение числа кочевников по отношению к оседлым народам?²⁰

Но раз не было существенной бедуинизации, и раз аридные пастбищные пространства уже были заняты и насыщены (т.е. достигли предела поглотительной способности — прим. пер.), то мы вправе спросить себя: а как же сложилась в таком случае судьба пришлых кочевых племен? И естественно, возникает мысль о процессе крупномасштабного перехода на оседлость.

Таким образом, мощь политических образований, созданных кочевниками *Высокой Азии*, и их традиционное стремление к контролю над богатствами оседлых стран вынуждали этих кочевников холодных степей к быстрой адаптации. Она приняла форму такой этносоциальной специализации политического пространства, при которой рост седентаризации ускорял степень тюркизации, никак не сопровождавшейся бедуинизацией.

СПЕЦИФИКА ШАЙБАНИДОВ

Тюркизация Трансоксианы происходила в рамках широких династических и государственных систем (Тюркский каганат²¹, державы Караханидов, Хорезмшахов, Сельджукидов, каракитаев, Монгольская империя, Чагатайский улус, империя Тимуридов, империя Шайбанидов и государства, возникшие после ее распада), которые можно разбить на две группы. С одной стороны, Тюркский каганат и Монгольская империя Чингиз-хана относятся к такому случаю политической экспансии, при котором практически не было переходного периода между выходом из среды происхождения и завоеванием экологического пространства Трансоксианы. С другой стороны, все остальные державы и империи, принявшие участие в тюркизации Трансоксианы, от Сельджукидов до Шайбанидов, были образованы союзами скотоводческих племен, основные элементы которых кочевали в степях между Или, Аралом и Каспием в течение многих поколений, задолго до образования этих государств и до подчинения не только Трансоксианы, но даже Хорасана и Ирана.

²⁰ После Бартольда исследование по истории фаз тюркизации Трансоксианы постепенно изменили перспективу, и чуть ли не отвели Шайбанидам определяющую роль в этом процессе. При отсутствии достаточных данных и обобщающих работ по этому вопросу, трудно с уверенностью продолжать эту дискуссию. О самых недавних работах, содержащих количественную оценку, см.: Vrege, 1991.

²¹ Из "Древних тюркских империй" (Кляшторный и Султанов, 1992:83) только Тюркский каганат до VII в. обладал политическим воздействием на Трансоксиану. Лишь четыре столетия спустя, с появлением ханства Караханидов, власть которого распространилась вплоть до Аму-Дарьи, началась основная фаза тюркизации.

²² В.В. Бартольд (1956, для английского издания), обсуждая вопрос культурных границ в Центральной Азии, неоднократно упоминает Семиречье как страну то совпадающую, то восстающую против культурных форм, доминирующих в Трансоксиане. А. Бернштам (1949) участвует в этой дискуссии, предлагая новый подход, опирающийся на археологические данные.

²³ Об этом свидетельствуют многие факты: ставка тюркского кагана находилась в окрестностях Суяба, в бассейне р. Чу; Плато Карпини посетил ставку Орды у озера Ак-Куль; многие курултаи Чагатаидов проводились в Семиречье (Barthold, 1956: 83, 114, 126). Ибн Батута (1853-58: II, 380 и III, 33) описывает ставку тюркских вождей, располагавшуюся между Чу и Таласом.

Для конфедераций, участвовавших в переселениях-завсезаниях, переход от экологической и экономической среды Монголии и Джунгарии к особой среде Трансоксианы не мог обойтись без последствий. Часть этих последствий проявилась незамедлительно, другая в более позднее время. Можно сказать, что для многих конфедераций второй группы, в частности, для Караханидов, кара-китаев и Чагатаидов, Семиречье служило полем адаптации к новым социально-культурным условиям: именно там происходило их взаимодействие с другими группами кочевых скотоводов, с городской культурой и с государственными культурами, такими, как ислам²².

Действительно, между началом XI в. и началом XIV в. образование династий, подчинявших себе Трансоксиану, происходило либо в Семиречье, либо на подступах к Семиречью. За этим этапом образования государства следовала более или менее продолжительная фаза поглощения Трансоксианы. Но обладание Семиречьем для этих династий всегда оставалось одним из ключевых факторов движущей силы социального равновесия государства после его расширения в сторону Трансоксианы. Благодаря экологическим различиям, существующим между Семиречьем и большинством орошаемых зон и пустынь Трансоксианы, Семиречье давало возможность сохранять относительную этносоциальную специализацию пространства путем предоставления пастбищных территорий группам, образующим военное ядро этих династий. Это еще более четко выражено в случае с Тюркским каганатом и Монгольской империей, правители которых, завоевавшие Трансоксиану, происходили, как и их военное и социальное ядро, непосредственно из страны Орхон: ставки и собственные кочевья династий и большая часть племенных ополчений, составлявших их военную опору, оставались в Семиречье, либо поблизости от него, не пытаясь, даже в первое время, колонизировать Трансоксиану²³.

Другие династии второй группы, Хорезмшахи,

Сельджукиды, Тимуриды и Шайбаниды, отличаются своими особенностями. Так, династии Хорезмшахов²⁴ и Тимуридов возникли в самой Трансоксиане либо на подступах к ней, что выводит их за пределы дискуссии, связанной с адаптацией к среде, но не дискуссии, касающейся этносоциального разделения их владений между кочевниками и оседлыми народами. Сельджукиды и Шайбаниды являются "завоевателями", происходящими из Великой Степи, но Шайбаниды были единственными, кто полностью занял все пространство Трансоксианы. Последние завоеватели долгой истории экспансии степных племен в сторону Трансоксианы, Шайбаниды были в то же время первыми, кто не смог расширить свои владения за пределы Трансоксианы, что значительно сократило возможности этносоциальной специализации их имперского пространства и пространства тех стран, что возникли на этой территории после распада государства Шайбанидов²⁵.

В условиях распада улуса Абулхайра и ухода Шайбанидов в сторону Трансоксианы, Семиречье сыграло центральную роль, став с середины 1460 годов зоной сбора сил ханов Кирея и Жанибека, а затем сердцем Казахского ханства²⁶. Более того, расширение Казахского ханства на весь нынешний Казахстан повлекло за собой потерю узбеками городов в долине Сырдарьи в конце XVI в. (Пищулина, 1977; Ахмедов, 1965).

Таким образом, структурная специфика Шайбанидов заключалась в том, что они были единственными "завоевателями", пришедшими в Трансоксиану из Великой Степи, но при этом никак не связанными с Семиречьем и не имевшими доступа к ресурсам этого региона в течение всего времени своего обустройства в Трансоксиане. В начале же XVI в. начался новый период, для которого характерна совсем иная динамика региональной истории.

Вторая, более конъюнктурная, специфическая черта Шайбанидов заключается в том, что Сафавиды действительно препятствовали распространению их завоеваний в направлении Иранского плато, на юг Хорасана, несмотря на их непрерывные усилия в стремлении подчинить этот регион. Р. Макчесни (1991)

считает эту особенность ключевой во всем механизме Шайбанидского государства, функционирование которого он сравнивает с государством Тимуридов. Объясняя политический и институциональный тупик, в котором оказались Шайбаниды, этот автор подчеркивает, что Шайбаниды страдали из-за отсутствия возможности завоеваний, так как одним из основных регуляторов механизма власти было обязательное распределение уделов между членами династии. Следует добавить к этому очень интересному аргументу, что предшественники Шайбанидов — Караханиды, Чагатаиды и Тимуриды — могли проявлять большую гибкость в политике имплантации и регуляции социальных сил либо благодаря владению Семиречьем, либо благодаря завоеваниям, направленным в сторону Ирана, либо одновременно благодаря обоим этим факторам.

При пересечении этих двух специфических черт — структурной и конъюнктурной — мы должны заметить полную укорененность Шайбанидов в аграрном мире новой для них области, Трансоксианы. Имеет значение тот факт, что свои первые курултаи они проводили в самом сердце земледельческих и городских зон (Макчесни, 1991: 56). Недостаток пастбищных зон для кочевников и полукочевников, составлявших оплот новой династии, и насыщение внутренних степей Трансоксианы заставила Шайбанидов немедленно расположиться в самом сердце орошаемых зон и за очень короткий срок перенять более продуктивный оседло-земледельческий образ жизни. Отсутствие доступа к ресурсам завоеваний могло быть, таким образом, возмещено посредством установления контроля над более продуктивной экономикой сел и городов. Это исторический результат, который не появился бы, если бы переселение узбеков — точнее, завоевание узбеками Трансоксианы — привело лишь к осязательному росту числа кочевников-скотоводов в Трансоксиане, и если бы этот феномен не отличался от феномена бедуинизации.

Таким образом, лишенные условий, в которых существовали их многочисленные предшественники, и располагая намного

²⁴ Четыре династии Хорезмшахов имеют различное происхождение. О последней, правившей в 1092 — 1221 гг., см. Kafesoglu, 1984

²⁵ Территории узбекских ханств отличались разнообразием физической и растительной среды, вполне достаточным для того, чтобы позволить некоторую гибкость в распределении и расселении узбекских племен.

²⁶ В монографии К.А. Пищулиной (1977) представлена очень редкая карта, показывающая различные этапы образования Казахского ханства, начиная от его изначального ядра в Семиречье, и далее в направлении и к Сырдарье, и к равнинам современного Центрального Казахстана (между с. 274 — 275). Эту карту можно сравнить с картой расширения пастбищных территорий казахов, опубликованную У.Х. Шалекеновым (1966 : 20).

меньшими возможностями использования механизма этносоциальной специализации на пространстве их политического доминирования, узбекские ханства ускорили процессы седентаризации и тюркизации, которые заложили основы современного распределения населения региона по этническим и социальным группам.

С этой точки зрения, важно отметить, что процесс узбекизации, ставший последней фазой

местной истории тюркизации, был четко сконцентрирован в центре и на востоке Трансоксианы, глубоко внутри орошаемых бассейнов, вне зон с высокими показателями осадков (400 мм/год). Это, помимо прочих последствий, привело к гораздо большему, по сравнению, например, с туркменами, взаимодействию узбеков с ираноязычным населением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различия сред внутри географического пространства, послужившие основой для расширения тюркоязычного населения и роста насыщенности пастбищных ресурсов, мешают говорить о "средневековой бедуинизации" в Центральной Азии. Напротив, поздняя тюркизация Трансоксианы, а именно ее узбекизация, были главным образом связаны с оседлостью. В более ранний период кочевники-завоеватели, приходившие в этот регион из степных областей, могли прокормить себя и свои огромные стада, не переходя на оседлость. Именно Семиречье позволяло многим секторам кочевых обществ, и, в особенности, их династической элите, сохраняя экономико-культурной идентичности, не смешиваясь полностью с миром Трансоксианы.

История Трансоксианы чрезвычайно своеобразна. Обращенные в "высшую религию" иранской династией, тюркские кочевники воспроизвели это "учение" (Planhol, 1993) не путем интеграции, а путем тюркизации. Традиционно существовавшее в этом регионе узбеко-таджикское двуязычие и характерное для местных жителей колебание при ответе на вопрос (со стороны русских, а позднее советских властей) о своей идентичности, таджикской или узбекской, могли объясняться тем фактом, что при отсутствии давления в отношении вероисповедания и при отсутствии, прежде всего, современного национализма, не было никаких причин для того, чтобы над спектром множественной идентичности возобладал тот или иной элемент.

Современное расселение таджиков, от Чирчика и Ангрена к востоку от Ташкента, к долине Зеравшана, по течению Пянджа и за пределами Таджикистана, в Афганистане, напоминает о том, что лучше всего орошаемые области Трансоксианы стали для ираноязычных земледельцев зонами сопротивления.

При отсутствии связи между сельскохозяйственной средой и границей богарного земледелия, и при том, что природная среда орошаемых земель является пустынной, в Трансоксиане не осталось свободного пространства для преобразования его в пастбища для кочевников. Не имея доступа к Семиречью и разнообразию его ресурсов, Шайбаниды вынужденно продвинулись к оседлому сердцу Трансоксианы. Таким образом, степи и пустыни южной части Центральной Азии вторично подверглись узбекизации. И в наши дни в пустынях Узбекистана, всего в нескольких десятках километров от Бухары, проживают исключительно казахские и туркменские животноводы, в то время как большинство узбеков живут на орошаемых землях и занимаются земледелием. Это отличает их от четырех других больших тюркских народов *Западной Центральной Азии* — казахов, кыргызов, туркменов и каракалпаков.

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ З.А. ДЖАНДОСОВОЙ

Использованная литература:

1. ABOUL GAZI BANADOUR KHAN, 1871: *ejere-ye Tyrk / Histoire des Mongols et des Tatares*, éd et trad. du baron Desmaisons, Saint-Petersbourg, 2 vol.
2. АБУСЕЙТОВА М. Х., 1981: "Из истории казахско-среднеазиатских отношений: События 1598 — 1599 гг." // *Казахстан в эпоху феодализма*, Алма-Ата, с. 124 — 141.
3. АХМЕДОВ Б. А., 1965: *Государство кочевых узбеков*, Москва.
4. БАБАЕВ А. Г., ФРЕЙКИН З. Г., 1977: *Пустыни СССР вчера, сегодня, завтра*, Москва.
5. BARTHOLD, V. V., 1956: "History of the Semirechuy" // *Four Studies on the History of Central Asia*, Leyden, v. I, pp. 73 — 171.

6. BAZIN, L., 1986: "Les peuples turcophones en Eurasie: Un cas majeur d'expansion ethnolinguistique" // *Hérodote*, 42, pp. 75 – 108.
7. БЕРНШТАМ А., 1949: Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // *Советская археология*, 11, с. 337 – 384.
8. BREGEL, Y., 1991: "Turco-Mongol Influences in Central Asia" // R.L. Canfield (ed.), *Turko-Persia in Historical Perspective*, Cambridge, pp. 53 – 77.
9. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А., 1968: Аноним Искандера и термины Ак-Орда и Кок-Орда // *История, археология и этнография Средней Азии*, Москва, с. 224 – 230.
10. RANCFORT, H.-P. (sous la dir. de), 1990: *Nomades et sédentaires en Asie central. Apports de l'archéologie et de l'ethnologie*, Paris.
11. HAIDAR, M., 1895: *Tarikh-i-Rashidi. A History of Moghuls of Central Asia*, éd. N. Elias, trad. D. Ross, Londres.
12. IBN BATOUTAN, 1853-58: *Voyages*, éd. et trad. C. Defrémery и B.R. Sanguinetti, Paris, 4 vol, Repr. Paris, 1968.
13. KAFESOPLU, I., 1984: *Harezm ahlar devleti tarihi (485-618/1092-1221)*, Ankara.
14. КАРАЕВ О., 1983: История караханидского каганата, Фрунзе.
15. *Казахстан в XV – XVIII веках*, 1969, Алма-Ата.
16. KHAZANOV, A., 1984: *Nomads and the Outside World*, Cambridge.
17. КЛЯШТОРНЫЙ С. Г., СУЛТАНОВ Т. И., 1992: *Казахстан. Летопись трех тысячелетий*, Алма-Ата.
18. KSSR, 1985 – 89 : *Казахская ССР. Краткая энциклопедия*, Алма-Ата, 4 том.
19. LEGRAND, J., 1976: *La Mongolie*, Paris (*Que-sais-je?*, 1663).
20. MANZ, B. F., 1989: *The Rise and Rule of Tamerlane*, Cambridge.
21. МАСАЛЬСКИЙ В. И., 1913: *Туркестанский край*, Санкт-Петербург.
22. MC CHESNEY, R. D. *Waqf in Central Asia. Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine, 1480 – 1889*, Princeton.
23. МИНЦ А. А. (ред.), 1969: *Центральная Азия. Экономика-географическая характеристика и проблемы развития хозяйства*, Москва.
24. ПИЩУЛИНА К. А., 1977: *Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв.*, Алма-Ата.
25. PLANHOL, X. DE
- 1968: *Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam*, Paris.
- 1979: "Saturation et sécurité. Sur l'organisation des sociétés de pasteurs nomads" // *Équipe Écologie et Anthropologie des Sociétés pastorales (sous la dir. de), Pastoral Production and Society*, Cambridge – Paris, pp. 29 – 42.
- 1993 : *Les nations du Prophète. Manuel géographique de politique musulmane*, Paris.
26. ШАЛЕКЕНОВ У. Х., 1966: *Казахи низовьев Амударьи*, Москва.
27. СЕНИГОВА Т., 1972: *Средневековый Тараз*, Алма-Ата.
28. SINOR, D., 1990: "Introduction: The Concept of Inner Asia" // *Id. (ed.), The Cambridge History of Early Inner Asia*, Cambridge, pp. 1 – 18.
29. TANY BUXARI, H., 1983 – 1989: *araf-nama-ji ahi / arafname-ye ahi*, éd. et trad. M. A. Salaxetdinova, Moscou, 2 vol.

ТҮЙІН

Француз зерттеушісі Венсан Фурнионың мақаласы, Жетісудың Орта Азияны жаулап алу нәтижесінде (= Трансоксиана, = Мавараннахр) өздеріне жат физикалық-географиялық шындықта қалған Орталық Азияның түркі тілдес көшпенділерінің біраз толқыны үшін ерекше транзиттік-бейімдеу ролін атқарғаны туралы жазылған. Фасырлар бойы Жетісу көшпенділер үшін олардың қалыпты ортасының соңғы жиегі болып қала берді. Мақала авторы Орта Азияны түркілендіру, XV ғ. аяғында жаулап алушы түріктер Жетісудың жайылымын пайдалану мүмкіндігінен айрылып, жергілікті ирантілдес халық біраз уақыттан бері дағдыланған, ортаазиялық географиялық ортада едәуір өнімді астық егуге көшуге мәжбүр болғанын көрсетеді.

SUMMARY

The article by a French researcher Vincent Furnio deals with a special – so to say, transit-adaptational – role of Zhetysu (Semirechye) for the many waves of the Turkophonic nomads of Central-Asian origin who invaded the Middle Asia (= Transoxiana, = Mavarannahr) and found it to be a very unusual ecological and geographical reality. During the centuries Semirechye remained for them the last frontier of the natural nomadic environment. The author indicates that the process of turkization of the Middle Asia was stimulated by the loss of the Semirechye pastures because the nomad invaders were compelled to settle down and to start irrigation agriculture which is far more profitable in the Middle-Asian environmental conditions than nomadism and which had been practiced by the local Iranian population for ages.